

Е.А. Юрина, А.А. Полякова, А.В. Балдова

ПРИЗНАКОВАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: АСПЕКТЫ ТИПОЛОГИИ

*Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда, грант № 18-18-00194
«Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций», 2018–2020 гг.*

Исследуются подлежащие метафоризации аспекты признаковой семантики, связанные с особенностями концептуализации различных признаков пищи. Осуществляется типология признаков, лежащих в основании метафорических проекций явлений гастрономической сферы на широкий круг концептов из различных целевых сфер (мышление, психика, феномены общественной жизни, различные объекты физического мира). На материале образных лексических и фразеологических единиц русского языка представлен анализ направлений и аспектов метафоризации признаков пищи в русском языке.

Ключевые слова: метафоризация признака; образная лексика; фразеология; пищевая метафора; картина мира.

Введение

Изучению феномена метафоры и процесса метафоризации посвящено большое количество разноаспектных научных исследований. В рамках семасиологического направления анализируется характер связи между первичными мотивирующими и вторичными образными номинациями [1, 2]. В когнитивных исследованиях метафора интерпретируется как ментальная схема, лежащая в основе ассоциативного сближения объектов и явлений из различных концептуальных сфер [3–5]. В лингвокультурологии метафора рассматривается как способ отображения внеязыковой действительности в языке и мышлении представителей разных культур [6–8]. Сочетание методик различных направлений ведет к интегральному исследованию метафорического миромоделирования: разработке теории и методологии метафорологического анализа, описанию образной картины мира, изучению функционирования метафоры в различных дискурсах [9–11].

В зависимости от частеречной принадлежности первичной номинации как носителя исходного мотивирующего образа выделяются предметная, процессуальная и признаковая разновидности метафоры. В основе предметной метафоры, мотивированной существительными в первичных значениях, лежит идеальный образ-прототип объекта со всеми характерными для него свойствами (статическими, динамическими, функциональными). По словам Н.Д. Арутюновой, «компоненты значения идентифицирующего слова гетерогенны: они могут характеризовать класс предметов с разных сторон, фиксируя его различные физические и функциональные аспекты» [12. С. 333]. В основе процессуальной отглагольной метафоры лежит стереотипная ситуация как аналог концептуального сценария деятельности со всеми входящими в ее состав компонентами (действием, субъектом, объектом, инструментом, средством и т.д.), поскольку глубинная семантика глагола носит фреймовый характер и включает не только информацию о происходящем действии, но и о возможных способах синтаксической репрезентации этого действия в пропозиционной форме [12. С. 142–176]. В основе признаковой метафоры лежит сенсорно воспринимаемое свой-

ство, абстрагированное от его конкретного носителя и зафиксированное в памяти воспринимающего индивида. Характеризуя семантику признака, С.М. Толстая пишет: «Хотя реальные объекты окружающего человека мира обладают бесчисленным множеством самых разнообразных свойств, лишь очень немногие из них получают осмысление и обозначение в языке» [13. С. 10]. В системе языка такие свойства зафиксированы в семантике качественных прилагательных (*теплый, мягкий, сладкий* и др.), структура первичных значений которых, по словам Е.С. Кубряковой, является моносемной: «Тенденция к отрыву от денотата ведет к моносемизации слова, сохранению в его значении лишь одного семантического компонента» [14. С. 337].

В наибольшей степени в лингвистике изучена метафора предметного и процессуального типов, в то время как признаковая метафора еще требует глубокого и всестороннего освещения. Во многом это объясняется тем, что прилагательные, в отличие от существительного и глагола, не составляют ядро лексико-грамматической системы и отходят на периферию исследовательского внимания. Однако признаковые метафоры выступают в качестве прагматически значимого экспрессивного средства, регулярно используемого в современном дискурсе для эмоционально-психологического и суггестивного воздействия на адресата речи, а также употребляются с целью создания чувственно-достоверных образов в тексте, что делает задачу их изучения особенно актуальной.

Материал исследования составляют образные лексические и фразеологические единицы современного русского языка, отражающие метафоризацию качеств и свойств продуктов питания: языковые метафоры *горький* 'исполненный горя, страданий, трудностей', *черствый* 'неотзывчивый, лишенный чуткости, бездушный'; собственно образные слова: *безвкусица* 'отсутствие эстетики, изящества, проявления гармонии в чем-л.', *кисляй* 'вялый, скучный, вечно ноющий человек'; идиомы: *несолоно хлебавши* 'ничего не получив, не добившись; ни с чем', образные сравнения: *как деликатес* 'об особо ценных, эффективных косметических средствах', *как лакомство* 'о чем-л. приятном, привлекательном'. Границы материала определяются критерием преимущественной или

исключительной принадлежности признака, называемого исходной лексической номинацией, продуктам питания или кулинарным блюдам, устойчивостью ассоциирования данного признака с явлениями гастрономической сферы. Источником лексико-фразеологического материала послужил Словарь русской пищевой метафоры [15. С. 18–176]. Всего проанализированы 432 образные единицы, мотивированные 21 исходной признаковой номинацией и функционирующие в 1 857 контекстах. Источником контекстного материала является Национальный корпус русского языка [16], из которого отбирались фрагменты речевых произведений, созданных в период с 1950 г. по текущий момент.

Методика исследования предполагает 1) семантический анализ исходных наименований свойств продуктов питания; 2) семантико-функциональное описание комплекса мотивационно-образных парадигм – совокупности мотивационно связанных образных средств русского языка, восходящих к одной мотивирующей лексической единице [17. С. 38–39]; 3) обобщенное моделирование фрагмента языковой и ценностной картин мира, представленных системой образных средств русского языка, отражающих признаковую гастрометафору.

Концептуализация признаков и их классификация по способу когнитивной обработки сенсорного сигнала

Формирование признака как отдельной категории мышления в сознании человека происходит в результате абстрагирования свойств и качеств от предметов, которым они присущи [12–14, 18–23]. Познавая объекты материального мира, человек на основании своего чувственного опыта выявляет определенные признаки, позволяющие квалифицировать и идентифицировать эти объекты, выделив их из множества других. По словам С.М. Толстой, признак – «это та сторона познаваемого объекта, которая выделена познающим субъектом в качестве релевантной и как бы “отторгнута” от объекта; это **инструмент, с помощью которого человек идентифицирует и сравнивает объекты**» [13. С. 45]. Противопоставляя категории объекта и признака с когнитивных позиций, Е.С. Кубрякова отмечает: «Объект, обладая признаками и проявляя их в отношениях с другими объектами, есть нечто большее, чем сумма своих частей, а потому несводим ни по функции, ни по природе к этим частям. Выделение признаков как раз достаточно субъективно, культурно-зависимо, а их связь с оценкой и интеграцией и позволяет говорить об известной неясности или неопределенности (*vagueness*) границ их значения (ср. *теплый, длинный, сладкий* и т.п.)» [14. С. 281–282].

В работах А.Н. Савченко (1959) [23], Н.Д. Арутюновой (1976) [12], Е.С. Кубряковой (1978, 2004) [14, 18], С.М. Толстой (2011) [13], посвященных проблеме отражения результатов познавательной деятельности в семантике и грамматике языковых единиц, указывается на соотношение онтологических понятий «объект/субстанция» и «свойство/признак» в их корреляции с грамматической противопоставленностью

предметности и предикативности как категориальных значений частей речи (существительного, прилагательного, наречия и глагола) и их грамматических функций. Н.Д. Арутюнова, противопоставляя идентифицирующие и предикативные слова, отмечает, что основной функцией идентифицирующих знаков является замещение в процессе коммуникации объектов и явлений реального мира, а предикативные слова (глаголы и прилагательные) сами по себе не приспособлены к денотации. Главной функцией предикативных знаков является **квалификация** объекта, которому приписываются динамические и статические свойства. При этом промежуточное положение занимают отвлеченные существительные с процессуальным и признаковым значением, которые способны получать как сигнификативное, так и денотативное значение [12].

Традиционно в лингвистике признак рассматривается в контексте изучения имени прилагательного как части речи, которая обозначает непроцессуальный атрибут предмета и выражает это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа [24. С. 373].

В лингвистических работах представлены различные классификации прилагательных русского языка, в которых наиболее ценными в русле наших рассуждений являются попытки разграничить номинации признаков, фиксирующие разные способы концептуализации результатов чувственного опыта. Так, А.Н. Шрамм разграничил в семантике качественных прилагательных эмпирические, рациональные и оценочные признаки [19. С. 21–22]. **Эмпирические** признаки воспринимаются сенсорно посредством зрения, слуха, обоняния, вкуса, осязания и концептуализируются путем одноступенчатой мыслительной операции, получая соответствующие номинации (*ароматный, кислый, сухой, кривой, тихий*). **Рациональные** признаки возникают на основе воспринятых органами чувств ощущений, которые далее подлежат мыслительной обработке и концептуализируются в результате анализа, сопоставления, умозаключения. Среди них выделяются **собственно рациональные**, называющие качества объектов как таковые (*умный, хитрый, злой, сильный, породистый* и т.п.), а также признаки **оценки качества** предмета, номинации которых демонстрируют положительное или отрицательное отношение субъекта к объекту на основании проявленных им качеств (*превосходный, гадкий, красивый, безобразный* и т.п.).

Классификации признаков на основании характера сенсорного сигнала и способа его когнитивной обработки представлены в работе И.Г. Рузина, посвященной анализу русской лексики с перцептивным значением [21. С. 4–9]. С позиции того, какая модальная система задействована в восприятии, автор выделяет **интрамодальные** признаки, сфера приложения которых ограничивается лишь одним перцептивным модусом (*громкий, пахучий*); **полимодальные**, соотносимые одновременно с несколькими модусами (*гладкий, пушистый*); и **кроссмодальные**, принадлежащие одному перцептивному модусу, но употребляющиеся для характеристики параметров другого (*мягкий* голос). Автор указывает, что психологической основой

кроссmodalности служит синестезия, а лингвистически данное явление реализуется в метафорическом переносе [21. С. 9].

Рассматривая среди вербальных репрезентантов перцептивных признаков не только качественные, но и относительные прилагательные, И.Г. Рузин выделяет две противопоставленные группы признаков: **интенциональные** (выраженные качественными прилагательными) – указывающие не на носителя признака, а на некий абстрактный параметр, по которому различные объекты соотносятся друг с другом и среди которых различаются параметрические (*высокий, яркий*) и непараметрические (*прерывистый*) признаки; а также **экстенциональные** (выраженные относительными прилагательными) – которые определяются через соотносимый с ними объект и подразделяются на аутореферентные – именующие признак объекта самого по себе (*лунный свет* – свет луны), и эталонные – именующие признак объекта по отношению к другому объекту (*изумрудная ткань* – ткань цвета изумруда) [21. С. 4]. Ряд перцептивных признаков, по мнению автора, неизбежно включает субъективную оценку со стороны говорящего и в этой связи может быть обозначен как «субъективные признаки»: **аксиологические**, предполагающие только оценку (*смадный, вкусный*), и **дескриптивные**, в семантике наименований которых присутствует как оценочный, так и описательный компонент [21. С. 7].

При классификации признаков пищевых продуктов, подлежащих метафорической интерпретации в русском языке, мы будем использовать вышерассмотренные параметры их квалификации и соответствующие терминологические обозначения.

1. Интрамодальные эмпиричные интенциональные признаки, которые ограничены одной вкусовой модальностью восприятия и фиксируют определенное качество вкуса: *горький, кислый, сладкий, соленый*.

2. Полимодальные эмпиричные интенциональные признаки пищи, в восприятии которых задействованы несколько модусов перцепции: *пряный, пикантный, терпкий*.

3. Полимодальные собственно рациональные экстенциональные признаки пищи, в восприятии которых задействованы несколько модусов перцепции, а признак назван опосредованно и концептуализирован на основе умозаключения: *жирный, сдобный, сольный, сочный*.

4. Аксиологические рациональные интрамодальные признаки, которые совмещают квалификацию вкусового ощущения с его эксплицитной положительной или отрицательной субъективной оценкой: *вкусный, деликатес, лакомый, смачный, приторный, пресный*.

5. Аксиологические рациональные полимодальные признаки, которые формируются путем умозаключения на основе полимодальной перцептивной информации: *свежий, черствый, тухлый, с душком*.

6. Кроссmodalные эмпиричные интенциональные признаки, совмещающие вкусовой и обонятельный модусы перцепции: *сладкий, горький, кислый, терпкий* (о запахе).

Далее рассмотрим реализованные в семантике образных средств русского языка направления и аспек-

ты метафоризации признаков пищи в пределах каждой группы.

Метафоризация признаков пищи в русском языке

1. К числу номинаций интрамодальных эмпиричных признаков в русском языке относятся прилагательные, называющие четыре основных вкуса *сладкий, кислый, горький, соленый*, которые обладают наибольшей метафорической активностью по сравнению с другими группами. На их базе образованы 153 образные единицы с метафорической семантикой. Количественный состав мотивационно-образных парадигм, вершинами которых являются наименования четырех основных вкусов, выглядит следующим образом: *сладкий* – 83 образных слова и выражения (*сладкий* ‘приятный для слуха’, *всласть* ‘до полного удовлетворения; вдоволь’, *слащавый* ‘очень милый, с излишне нежными, мягкими чертами лица’ и др.), *кислый* – 36 образных языковых единиц (*кислый* ‘скудный, неинтересный, тоскливый’, *скисать* ‘терять бодрость, уверенность; падать духом’, *будто разжевать кислое* ‘о недовольном выражении лица’ и др.), *горький* – 31 образное слово и выражение (*горький* ‘связанный с разочарованием, досадой, сожалением’, *горчинка* ‘недостаток, отсутствие совершенства в чем-л.’, *испить горькую чашу* ‘терпеливо и в полной мере испытать трудности, лишения, невзгоды; долго страдать’ и др.), *соленый* является мотивирующим для трех образных единиц (*соленый* ‘остроумный, выразительный, но грубоватый, не вполне пристойный’, *солон* ‘тяжело, трудно’, *несолоно хлебавши* ‘ничего не получив, не добившись’).

Важным для метафоризации вкусовых признаков аспектом принятия пищи является получение гастрономического удовольствия, поэтому вкусовые ощущения всегда оцениваются едоком как более или менее приятные. По данным языковой семантики, наиболее приятным считается сладкий вкус, горький оценивается как неприятный, кислый вкус получает неоднозначную оценку: несмотря на то, что в русской кухне много блюд, обладающих приятным умеренно кислым вкусом, однако в процессе метафоризации актуализируются негативные его аспекты, связанные с изменением вкуса испорченных в результате брожения продуктов (*прокиснуть, скиснуть*) или очень резкого воздействия на рецепторы (*как будто лимон разжевать*). Соленый вкус в наименьшей степени присущ естественным продуктам и достигается в кулинарии путем добавления поваренной соли, в связи с чем метафоризация актуализирует такой аспект, как вкусовая яркость, насыщенность соленой пищи в противоположность пресной, которая в наименьшей степени раздражает вкусовые рецепторы.

Образные средства языка, мотивированные прилагательными *сладкий* и *горький*, образуют аксиологическую оппозицию в характеристике приятных – неприятных, положительных – отрицательных, конструктивных – деструктивных аспектов жизни человека: чувств и эмоций, межличностных взаимоотношений, событий общественной и политической жизни.

ни, сенсорных и эстетических впечатлений, получаемых через разные каналы восприятия. Удовольствие от сладкого вкуса ассоциируется с позитивными психоэмоциональными состояниями человека: радостью, счастьем, весельем, восторгом, предвкушением: *наслаждение, сладко на душе, сладостное предчувствие, сладковатая тоска, сладостное удовольствие, улада* – Было *сладко* на душе от этих похвал, слёзы подступали (Б. Екимов); а также служит основанием для образной характеристики ситуаций или действий, являющихся причиной эмоционального подъема: *всласть, улаживаться, улаживательный, наслаждаться* – На радостях выпили они с Верой бутылку «Крымской ночи», наговорились *всласть*, сходили погулять по улице Ленина... (В. Пьецух); метафорически обозначает хорошие жизненные условия: материальное благополучие, комфорт, приятную обстановку: *сладкая жизнь* – В столице *сладкая жизнь* забила ключом: модные клубы, шикарные рестораны, шумные тусовки... (Н. Васенков, К. Петербургская).

Горький вкус образно связывается с горем, страданием, сожалением, печалью, отчаянием, разочарованием, досадой: *горькая обида, горькое чувство заброшенности, горе горькое, горькие слезы* – И сразу сделалось так *горько*, что это новое восхитительное чувство, только что пронзившее его душу, оказалось таким же обманом, как и все остальное в жизни (В. Пелевин); *Думать и вообще не хотелось, потому что все нынешние мысли горчили* – он переживал неудачную пору (Ю. Нагибин). Часто подобные состояния человек испытывает, эмоционально реагируя на жизненные трудности, невзгоды, негативный опыт взаимоотношений – на обидные слова, оскорбительные поступки окружающих: *горький опыт, горечь поражения, испить горькую чашу до дна, горькая истина* – Бунт был подавлен безжалостно обоими родителями – подавлен до захлебывающихся слёз и такой *горечи*, такого одиночества, каких Колюня даже не мог вообразить себе (А. Варламов); *Жизнь в Москве – она, выходит, хуже горькой редьки*, сколько бы ты ни зарабатывал и на какой бы машине ни ездил, потому что всегда найдется тот, кто хочет занять твоё место или паразитировать на тебе («Вокруг ТВ»). Наречие *горько* используется в значении ‘сильно, очень, интенсивно’ для образной характеристики негативных явлений, вызывающих чувство обреченности, осознание того, что ничего уже нельзя изменить или исправить: *горько пожалеть, горько разочароваться, горько ошибиться* – Оказывается, я *горько* ошибался. Таких людей как у нас, так и за рубежом нашлось немало («Солдат удачи»). Ощущения от восприятия горького вкуса метафорически связываются с недостатками в характере человека, вызывающими у окружающих досаду, разочарование, обиду – Наши умники никак не смекнут, что нас связывает, что я такого нашел в несостоявшемся человеке, к тому же не без перца с *горчинкой* (Л. Зорин).

Метафоризация сладкого вкуса распространяется на гораздо более широкий круг денотатов по сравнению с другими вкусами. Через метафору сладкого образно характеризуется привлекательная, милостивая

внешность: *сладкий, сладенький, слащавый* – Ямордой и повадкой кругленький был, *сладенький, при росте в метр девяносто; девицы млели* (А. Дмитриев); выражаются нежные чувства к другому человеку, само чувство нежности: *сладкая дочурка, сладенькие глазки моего мальчика* – Она приняла... черты пухленькой, курчавой *сладкой* моей дочурки – Кати (С. Спивакова); характеризуется чувственная нежность: *Сладостно* провели они первую ночь с молодым мужем (Б. Кенжеев); а также проявление умиленья, удовольствия во взгляде и мимике: *Смотрел на шахматную доску сладкими глазами*, склонив голову набок (Ю. Герман).

Образную характеристику через метафору сладкого получают различные аспекты речи, связанные с положительной оценкой слов, голоса, манеры выражаться, вызывающие расположение и симпатию собеседника: *сладкие комплименты, сладенький голос, сладкогласный, сладкоречивый* – Этот человек, разговаривая с богатыми, неизменно впадал в какое-то неаполитанское *сладкогласие* (Ф. Искандер). При этом в иронических контекстах выражается негативная оценка излишне сентиментальным, наивным, банальным высказываниям и произведениям: *сладенький роман, сладкая сказочка, сладенький сюжет* и т.п. – Поэтому сейчас, на склоне лет, должен просить прощения у своих бывших учеников за то, что морочил им головы этим *сладкогласым* мечтателем (И. Ефимов). Положительную оценку выражают образные прилагательные, называющие приятное для слуха гармоничное звучание музыки, пения птиц, звуков природы: *сладкие звуки, сладостное пение, сладкозвучие, сладкозвучность, сладкозвучный*. За дворцовой оградой звенели фонтаны, а на деревьях *сладко* пели невидимые птицы (В. Губарев). В круг денотатов метафоры сладкого входят объекты экономической деятельности, приносящие доход, коммерческую выгоду, которые оцениваются сугубо положительно: *сладкий клиент, сладкий регион* – Когда мы начали снимать, доллар стоил 22 руб., сейчас мы отдаем кредиты по курсу 36 руб. Хотя, конечно, если брать в расчет нормальное развитие событий, октябрь – самый «*сладкий*» месяц, когда можно собрать практически столько же, сколько в новогодние каникулы («rbcdaily.ru»).

Амбивалентность оценки в метафоре сладкого вкуса проявляется в том, что прилагательные с семантикой сладкого называют явления, связанные с демонстративным, неискренним, сугубо внешним и поверхностным проявлением каких-либо положительных качеств: излишняя внешняя красота, поведение угодливого человека, пытающегося понравиться, показная сентиментальность и т.п.: *сладкая любезность, сладостные речи, сладенькая улыбочка, слащавый, сладкая парочка* и др. – Но фальшивость *сладостных*, елейных речей не всегда удаётся распознать с ходу (Коллективный). Негативная оценка выражается по отношению к плотским аспектам интимной стороны жизни, чрезмерной страсти, чувственными наслаждениям: *сладострастие, сладострастник, сладострастный, сластолюбец, сластолюбивый, сластолюбие* – У меня достанет силы на кое-

что другое. – Правда? – Ее оскал вдруг сменился *сладенькой* улыбкой. – Неужели? До меня дошла *дву-смысленность* моих собственных слов (М. Дяченко, С. Дяченко).

Метафоризация прилагательного *кислый* связана с образом *прокисших* продуктов, приобретших вследствие этого кислый вкус. В его семантике присутствует компонент утраты изначального качества свежести, пригодности к употреблению, что служит образным основанием для метафорической характеристики подавленного психоэмоционального состояния, которое связано с ухудшением настроения, снижением жизненного тонуса, проявлением грусти, раздражения, утратой творческой активности, а также с внешними проявлениями этих состояний в мимике, поведении: *кисло на душе, скиснуть, кисловатое* выражение лица, *будто кислое разжевал, кислить* морду, *кисло* мямлить, *кисло* отвечать, *кисляй* – Настроение его окончательно *скисло*, потому что вспомнилось вдруг, как тают в заветном мешочке царские золотые монеты (Б. Васильев). Метафора *кислый* характеризует рутинные действия и ситуации, которые вызывают скуку и приводят к подавленному эмоциональному состоянию: *киснуть от тоски, скисать, прокиснуть* – Я ненавижу *суточные расписания, сезонные графики, учебные сетки, кварталы, полугодия, названия контор по фасаду, кабинеты, в которых закисает жизнь* (И. Полянская); а также неинтересные, банальные, невыразительные речевые и художественные произведения: *кислый сюжет* – В конце концов я все-таки *выжсимаю* из себя две странички пошлой *кислятины*, где вру, вру бесстыдно, например, *называю* пожилую пионервожатую одной из *удач спектакля* (Д. Рубина).

В основе метафорического переосмысления соленого вкуса лежит интенсивность его воздействия на вкусовые рецепторы, которая достигается добавлением соли в продукт. По типу метафоризации это сближает прилагательное *соленый* с номинациями второй группы признаков, называющих яркие вкусы, полученные путем добавления специй (*пряный, пикантный*). Метафора *соленый* используется по отношению к ярким, экспрессивным элементам речи, характеризует остроумные, чаще непристойные и грубые шутки: *соленые шуточки, соленое слово* – Знают его в основном как *любителя острого* (а порой, что греха таить, – *соленого*) словечка («64 – Шахматное обозрение»). Образ, выраженный во внутренней форме идиомы *несолоно хлебавши*, связан с поглощением несоленой пищи, которая воспринимается как «пустая», лишенная вкуса, что характеризует ситуацию бесполезных действий, не приводящих к желаемому результату: *Пришлось с тощей пачечкой ассигнаций, почти что несолоно хлебавши в Москву ворочаться* (Б. Евсеев). Кроме того, образная интерпретация соленого вкуса связана со слезами как символом горя, а метафора *соленый* используется для характеристики жизненных трудностей, страдания: *Без Артура, особенно в первые дни, мне пришлось бы солоно* («Техника – молодежи»).

2. Вторая группа включает прилагательные, называющие полимодальные признаки пищи, воспринима-

емые в совокупности вкуса с обонятельными, тактильными и температурными сигналами, так как «в ротовой полости помимо вкусовых рецепторов расположены также тактильные и терморепцепторы» [25. С. 337]. Вкусовое ощущение, сопровождаемое чувством жжения (вкус жгучих перцев, горчицы), получило в русском языке метафорическое обозначение *острый*, основанное на аналогии с болевым эффектом от тактильного воздействия колющих и режущих предметов. В силу вторичности данной номинации прилагательное *острый* не рассматривается в ряду слов, демонстрирующих метафоризацию собственно вкусовых признаков продуктов. При этом семантика острого вкуса присутствует в значениях прилагательных *пряный* ‘острый и ароматный на вкус, резкий, возбуждающий по вкусу и запаху’ и *пикантный* ‘острый на вкус, пряный’, составляющих в совокупности с прилагательным *терпкий* ‘вызывающий вяжущее ощущение во рту’ группу полимодальных признаков пищи. При поглощении острой пищи человек ощущает жжение, восприятие горько-кислых напитков и плодов с терпким вкусом сопровождается вяжущим эффектом в ротовой полости, пряные блюда оказывают интенсивное воздействие на обонятельную систему. Эта группа качеств характеризует интенсивные, сильные и непривычные в повседневном употреблении вкусовые ощущения, метафорически проецируемые на нечто необычное, нестандартное, волнующее, возбуждающее интерес.

Количественный состав парадигм выглядит следующим образом: *терпкий* – 15 образных единиц (*терпкий* ‘возбуждающий, чувственный’, *терпкость* ‘волнующая, чувственная привлекательность’, *терпко* ‘раздражительно, иронически’), *пикантный* – 7 (*пикантный* ‘не вполне пристойный, фривольный’, *пикантность* ‘то, что возбуждает острый интерес; необычность, сенсационность’, *пикантно* ‘необычайно интересно, любопытно’), *пряный* – 7 (*пряный* ‘чувственный, эротичный, связанный с отношениями полов’, *пряно* ‘ярко, незаурядно’, *пряность* ‘элементы, придающие произведению оригинальность, выразительность’).

Способность блюд с пряным, пикантным и терпким вкусом вызывать аппетит и доставлять яркие вкусовые ощущения метафорически ассоциируется с чувственным влечением, сексуальной привлекательностью: *пряная эротика, пикантная родинка на груди, терпкая женственность* – И такая *терпкая, такая дурманящая женственность струилась от гибких, здоровых их тел...* (Л. Кабо); уподобляется сенсационным новостям и непривычным событиям, вызывающим интерес и волнующим новизной: *пикантная загадка, пикантность ситуации, пряная экзотика* – *Терпкая смесь радости и мстительности опьяняет. Наконец-то!* (О. Новикова).

Метафора *терпкий* демонстрирует неоднозначное отношение субъекта гастрономической деятельности к этому вкусу. С одной стороны, его можно отнести к неприятным, так как продукты с терпким вкусом оставляют во рту оскомину, вяжущее ощущения. Эти качества терпких продуктов выступают основанием для метафорической характеристики неприятных

чувств, болезненных реакций, мучительных состояний: **терпкий** страх, **терпкие** мысли, **терпкость** трагедии, **терпкий** яд слов – Революция приучила Мандельштама к отъездам, похожим на бегство, к **терпким** расставаниям (Ю. Нагибин). С другой стороны, терпкость придает продуктам и напиткам необычный, яркий вкус, что служит образным основанием для наименования волнующих ощущений от чувственной музыки: **терпкая** гармония, волнующая **терпкость** адажио, **терпкость** звучания – Джордж Даларас <...> самый удачный проповедник стиля «рембетико», своеобразно эллинского блюза с **терпкими** средиземноморскими интонациями («Известия»); сильных эмоциональных переживаний: *Всё осталось на своих местах, ничто не пострадало, не обвалилось, не взорвалось, только прибавилось счастья, терпкой остроты, праздничности* (И. Муравьева).

3. В группу номинаций полимодальных экстенсивных (рациональных) признаков пищи вошли прилагательные, семантика которых связана с составом продуктов: **жирный** 1) ‘содержащий много жира, масла’; 2) ‘с большим слоем подкожного жира (о мясе)’; **сдобный** ‘приготовленный на молоке, масле, яйцах и т.п. (о тесте и изделиях из него)’, **сальный** ‘состоящий из сала; оставленный салом, жиром’; **сочный** ‘содержащий много сока’. Вкусовой модус здесь отходит на периферию восприятия, а в фокусе метафоризации оказываются визуальные и тактильные аспекты качественной характеристики (объемный и пышный, объемный и упругий, блестящий и скользкий), а также повышенная питательная ценность продукта. Обогащенный калорийными ингредиентами состав продукта в целом выражает идеи насыщенности, наполненности, интенсивности и значимости.

Количественный состав парадигм выглядит следующим образом **жирный** – 35 образных слов и выражений (**жирный** 1) ‘яркий, насыщенный, интенсивный, сильный (о голосе, звуке, свете)’; 2) ‘материально обеспеченный, пресыщенный, самодовольный’; 3) ‘существенный, важный, значимый (о положительных или отрицательных сторонах жизни, деятельности)’; **жир** ‘сведения скандального, сенсационного характера, способные повредить чьей-л. репутации; компромат’, **жирно** ‘в виде густой массы; густым слоем’, **ожиреть** ‘стать избыточным по структуре’ и др.), **сочный** – 15 (**сочный** ‘яркий, насыщенный, глубоких, чистых тонов’, **сочно** ‘громко, интенсивно (о звуках, манере речи)’, **сочность** ‘выразительное, оригинальное, эмоционально воздействующее слово, высказывание’ и др.), **сальный** – 10 образных единиц (**сальный** ‘толстый, крупный (о фигуре, частях тела)’, **засаленный** ‘лоснящийся от жира, имеющий жирный блеск’, **сально** ‘выражая грубую чувственность, непристойно’ и др.), **сдобный** – 6 образных единиц (**сдобный** ‘пышный, мягкий, объемный (о частях тела человека)’, **сдоба** ‘о женщине с полным телом’ и др.).

Через метафоры **сдобный**, **жирный**, **сочный** образно характеризуются крупные, объемные предметы: **сдобное** облако, **жирные** листья тополей, **сочные** капли дождя – Мелькали таверны, пансионаты, **сдобные** византийские церкви, похожие на пасхальные куличи (Д. Рубина); широкие начертания букв и ли-

ний, толстый слой краски: **жирная** черта, **жирный** шрифт, **жирно** покрашенное лицо; полное, упругое тело и его части: **сдобная** дама, **сочные** губы, **в самом соку**, **самый сок** – Я демонстрирую чудеса маневрирования, чтобы не врезаться сдуру в **сочные** бока мордастых племенных коров (Д. Карапетян).

Семантика интенсивности, насыщенности метафорически передается в характеристике яркого света, ярких красок и цветов: **жирный** свет фонаря, **сочные** цвета, **сочно** зеленеть – Одна из лучших ролевых игр в духе незабвенного *Diablo*. **Сочная** графика, увлекательный сюжет и прочие радости жизни («Хулиган»); густых и концентрированных веществ: **жирная** грязь, **жирный** туман – От нашего навоза земля **жиреет** и передает свой жир растениям полей и огородов (Ф. Искандер); интенсивных звуков и сильного голоса: **жирные** звуки, **жирно** каркали вороны, **сочные** фразы – Я набрала номер. Мне ответил **жирный**, чувственный бас (И. Грекова); выразительной речи и речевых произведений, которые вызывают эмоциональный отклик: *Фразы у нее сдобные, аппетитные, напичканные междометиями, как изюмом* (Д. Гуцко); *Но главная мысль Пришвина была о сравнении осени и весны семнадцатого, по поводу чего он выразился чрезвычайно сочно* (А. Варламов).

Высокая питательная ценность жирных продуктов лежит в основе образной характеристики экономически привлекательных объектов, ассоциируется с богатой жизнью, изобилием: **жирный** барыш, **жирный** кусок, **жирная** страна, *не до жиру быть бы живу* – **Жирная** и несметная рента от нефти принадлежит всему обществу, а не крупным акционерам нефтяных компаний («Завтра»).

Визуальные аспекты рассматриваемых признаков реализовались в характеристике блестящих и сильно загрязненных поверхностей: **жирный** блеск, **засаленный** воротник, *потное сальное* лицо – Шли и шли лошади, увозя с заводов ящики с сытыми боками **сально** блестящих снарядов (А. Лиханов). Скользящая и блестящая поверхность жиросодержащих продуктов (сала, масла) вызывает аналогию с чем-то скользким, метафорически характеризующим нечто двусмысленное и не вполне приличное (**сальный** взгляд, **масленные** глазки), а также способность сала, жира оставлять грязные пятна актуализирует в семантике данных прилагательных компонент ‘грязный’, проявленный в метафорической характеристике низменных человеческих инстинктов, плотских желаний, непристойных и грубых выражений: **сально** ухмыльнулся, **сальные** шуточки – Начальник цеха... постоянно проявлял к ней повышенное внимание: то за талию приобнимет, то на ушко какую-нибудь **сальность** шепнет (А. Житков).

4. Четвертую группу составляют номинации аксиологических признаков, которые совмещают квалификацию интрамодального вкусового ощущения с его эксплицитной положительной или отрицательной субъективной оценкой. Положительную оценку вкуса выражают **вкусный** ‘приятный на вкус, вызывающий аппетит’, **лакомый** ‘доставляющий вкусовое наслаждение, очень вкусный’, **смачный** ‘сочный или обильно сдобренный чем-л. (маслом, приправой и т.п.); ап-

петитный, вкусный', *деликатес* 'редкое, вкусное, изысканное кушанье; лакомство'. Отрицательно оцениваются такие качества пищи, как *приторный* 'чрезмерно сладкий', *пресный* 'лишенный определенного вкуса вследствие отсутствия или недостатка соли, сахара или специй', маркирующие избыточность или недостаточность вкусового воздействия.

Количественный состав парадигм: *вкусный* – 10 образных единиц (*вкусный* 'выразительный, красочный, яркий', *вкуснятина* 'что-л. привлекательное, выразительное, вызывающее интерес', *вкусно* 'богато, роскошно, с удовольствием' и др.), *лакомый* – 10 (*лакомый* 'экономически привлекательный, выгодный, приносящий доходы', *лакомство* 'что-л. интересное, привлекательное, заманчивое', *лакомиться* 'получать удовольствие' и др.), *смачный* – 19 (*смачный* 'сильный, интенсивный', *смачно* 'с удовольствием, наслаждением', *смаковаться* 'обсуждаться с особым интересом, пристрастием' и др.), *приторный* – 9 образных единиц (*приторный* 'излишне любезный, ласковый, угодливый', *приторность* 'чрезмерная красивость, неестественная правильность, показное благополучие.' *приторно* 'слишком сентиментально, умиленно' и др.), *пресный* – 5 (*пресный* 'скудный, неинтересный, лишенный занимательности, живости' *пресновато* 'скудно, неинтересно (о восприятии жизни, речевых и художественных произведений)', *пресность* 'однообразие, отсутствие занимательности, азарта, выразительности' и др.).

Приятные ощущения от употребления пищи с высокими вкусовыми качествами ассоциируются с эстетическим наслаждением при восприятии привлекательных внешне людей и объектов: *вкусная* *небелль*, *лакомая* *щёчка* – *Пространство получилось небольшим, но из-за двух высоких окон – в стене и в потолке – удивительно радостным и вкусным* для глаз (Д. Рубина); с приятными ситуациями, жизненными условиями, доставляющими удовольствие: *лакомиться* *наградой*, *целовать со вкусом*, *посмаковать* *приятное событие* – *Братья Волковы – архитектор и пейзажист – подались в Рим. Евстигней Фомин – в город лакомый, город желанный: в Болонью!* (Б. Евсеев); с новостями и информацией, которую человеку приятно обсуждать: *вкусные* *подробности*, *вкусность*, *лакомиться* *сплетнями*, как *лакомство*, *смачные* *факты биографии*, *главный смак истории* – *Тему зависти вы, кстати, правильно подняли, нужно будет её в дальнейшем проработать: это вкусная тема и это предельно энергетичный мотивчик* («Частный корреспондент»). Связь между гастрономическим и эстетическим удовольствием лежит в основе характеристики объектов культуры и искусства: увлекательных и изысканных художественных произведений, яркой и выразительной манеры речи, красивого пения и нежной музыки: *вкусная* *пауза*, *вкусно* *говорить*, *смачные* *комментарии* – *Но вся эта «вкуснятина» готовится в Москве на одной кухне, именуемой «Мосфильм»* («linter.ru»), *Джаз был моден, джаз им всем тогда нравился, и к тому же в нём ощущался лакомый душок запретности* («Наука и жизнь»). Вкусная пища метафорически сближается с экономически привлекательными объектами торго-

вой сферы, ассоциируется с богатой, роскошной жизнью: *лакомые* *активы*, *лакомый* *кусочек*, *жить вкусно* – *С точки зрения российских «пыльциков» и приватизаторов, ядерная отрасль делится на вкусную и невкусную части* (Коллективный).

Избыток сладости во вкусе метафорически выражает отрицательно оцениваемые поведенческие качества человека: нарочитую любезность, угодливость, показное благонаравие, льстивую речь, излишнюю сентиментальность: *приторная* *улыбочка*, *приторные* *вздохи*, *приторно* *желеманьясь* – «*Навстречу жизни*» – *халтурный роман, беспомощный технически, многие места приторны до омерзения, а в основном – адская скука* («Наш современник»). Недостаток яркости во вкусе связывается с неинтересными, банальными, однообразными событиями, скучными людьми: *пресная* *натура*, *пресность* *жизни*, *пресноватые* *будни* – *Постоянная подруга у меня есть – пресная, положительная, неумело влюбленная, с плохой фигурой, надежная, как весь гражданский флот* (А. Пастернак); *До сих пор жил ты скучновато, пресновато, тускловато, жил, честно-то говоря, почти как обыватель* (Г. Алексеев).

5. Номинации полимодальных рациональных аксиологически маркированных признаков. Вошедшие в эту группу признаки – *свежий* 'только что добытый, приготовленный', *черствый* 'утративший былую мягкость, несвежий', *тухлый* 'испорченный, дурно пахнущий', *с душком* 'с неприятным запахом от чего-л. испорченного', – формируются путем умозаключения на основе полимодальной перцептивной информации. Субъект посредством органов чувств воспринимает продукт (видит цвет, чувствует вкус и запах, тактильно ощущает консистенцию и т.п.), затем анализирует полученную информацию, сопоставляет с уже имеющимся опытом и делает вывод о качестве продукта с точки зрения его пригодности к употреблению. Положительно оцениваемому качеству *свежий* (обонятельная модальность – приятный аромат, тактильная модальность – соответствующие температура и плотность, зрительная модальность – соответствующий цвет, форма и т.п.) противоположны отрицательно оцениваемые качества: *черствый* (тактильные ощущения – твердая структура, жесткая поверхность); *тухлый*, *с душком* (неприятный аромат, несвежий вид).

Количественный состав парадигм: *свежий* – 55 образных лексических и фразеологических единиц (*свежий* 'не утративший яркости, насыщенного цвета, блеска', *свеженький как огурчик* 'о человеке, который чувствует себя здоровым, полным сил; выглядит бодрым, отдохнувшим', *свежо* *предание, да верится с трудом* 'это похоже на правду, но, скорее всего, не соответствует истинному положению дел', *свежак* 'о чем-л. новом, недавно появившемся' и др.), *тухлый* – 30 (*тухлый* 'скудный, банальный, неинтересный', *забросать тухлыми яйцами* 'открыто выражать/выразить недовольство, несогласие, возмущение', *тухлое дело* 'дело, не имеющее никакой перспективы, бесполезное и никому не нужное' и др.), *черствый* – 11 (*черствый* 'затвердевший (о частях тела, предметах)', *черствый сухарь* 'неотзывчивый,

лишенный чуткости, бездушный человек’, **чёрствость** ‘отсутствие доброты, чуткости, способности сострадать; равнодушие’ и др.), **душок** – 3 (**душок** ‘проявление чего-л., склонность к чему-л. во взглядах, настроениях, поведении (как правило, о чем-л. отрицательном, неблагонадежном, непорядочном)’, **с душком** ‘о ком-, чем-л. неактуальном, неинтересном, запоздалом’ и др.).

Отличительной особенностью исходной мотивирующей семантики данных языковых единиц является наличие динамического темпорального признака, связанного с постепенной утратой изначальных положительных качеств продукта или блюда по истечении определенного срока после его приготовления. В системе метафорических номинаций эта семантика связывается с идеей степени новизны и сохранности изначальных положительных качеств (**свежий** – новый, приятный, неиспорченный) в противоположность негативной ситуации утраты первоначальных достоинств (**черствый** – утративший доброту, нежность; **тухлый**, **с душком** – отсталый, утративший бодрость, энергию, привлекательность). Свежесть недавно приготовленных продуктов метафорически ассоциируется с чистой, незагрязненной природной средой, новыми и чистыми предметами: **свежесть** утра, **свеженький** ветерок, **свежак**, зимняя **свежинка**, **свежие** обои, **свежее** белье – **Свежий** мартовский ветер принялся трепать по щекам и хозяйски оцупывать шею (Д. Рубина); полными здоровья и сил людьми, молодежью, новичками в какой-либо деятельности: **свежий** цвет лица, **свежий** вид, **свежая** кровь, **свежие** силы, **свежие** люди, **свежий** взгляд – Экономика республики в настоящее время является одной из самых бурно развивающихся в Европе и требует **свежего** притока рабочей силы («Туризм и образование»); новыми чувствами, эмоциями, впечатлениями, идеями, новаторскими взглядами: **свежие** эмоции, **свежие** впечатления, **свежие** идеи, **по свежаку**, **свежая** информация, **внести свежую струю**, **свежие** цифры, **по свежим следам** – В глазах блестели слезы **свежей** обиды (В. Пелевин). Для нас московский чемпионат стал **глотком свежего воздуха** («Известия»); прогрессивными социальными изменениями: Мне повезло работать в 1980-е: оцупить **свежий ветер перемен**, услышать приятный звук падения оков цензуры («Совершенно секретно»).

Через метафору **черствый** характеризуются предметы и части тела, утратившие мягкость, эластичность, поверхность которых стала твердой, сухой, шершавой: **черствая** от мороза земля, **зачерствевшая** кожа – А руки его, **черствые**, с разбухшими суставами и пальцами, как бы даже не разгибающимися до конца, много-таки поработали на своем веку (Г. Бакланов); поведение неотзывчивого, бездушного, лишенного чуткости человека: **черствые** слова, **черствый** сухарь, **черствый** голос – Та подходит уже с более несчастным лицом, чем прежде: надо как-то тронуть мою **зачерствелую** педагогическую душу (С. Рябцева); состояние духовной жизни общества, лишенного гуманистических ценностей: Без вашего романтизма общественная жизнь стала **черствей**, эгоистичней, бедней (А. Проханов).

Одорическая метафора неприятного запаха от испорченных продуктов служит средством негативной оценки поведенческих и нравственных качеств человека: лени, апатии, отсутствия индивидуальности, слабохарактерности: **тухлый** интеллигент, **тухлость** людей – Они всегда врал, даже когда не следовало врать, всегда в их глазах угадывалась некая **тухлинка**, некое болотце, затянутое ряской (Г. Прашкевич); консервативных отсталых взглядов, порочных наклонностей, нежелания развиваться: дельцы с криминальным **душком**, **протухают** мозги – Популярность Амосова никогда не была **с душком**, которым часто отдают биографии и карьеры его многих знаменитых советских и постсоветских современников (В. Молчанов, К. Сегура). Образ испорченных продуктов связывается с неактуальными идеями и событиями, запоздалыми действиями, чем-то скучным, банальным, неинтересным: **тухлое** дело, **тухлая** тема, **тухло** говорить, писать **тухлятину**, **тухлая** атмосфера, **тухляк**, **тухнуть** от скуки – Скажу сразу, идея **с «душком»**, основана на примерах из жизни кошек, на них и обкатана (Коллективный); Выборы 1995-го были довольно **тухлыми**, но их двигала хотя бы энергия раздражения («Время МН»).

6. Номинации кроссмодальных признаков, совмещающих вкусовой и обонятельный модусы перцепции, представлены прилагательными **сладкий** ‘подобный сладкому вкусу (о запахе)’, **горький** ‘резкий, подобный горькому вкусу (о запахе)’, **кислый** ‘неприятный, резкий, подобный кислому вкусу (о запахе)’, **приторный** ‘чрезмерно сладкий (о запахе)’, **терпкий** ‘сильный, резкий, раздражающий, навязчивый (о запахе)’, **вкусный** ‘ароматный, свежий, приятный (о запахе)’, **свежий** ‘нежный, бодрящий (о запахе)’, которые используются для наименования запахов. Слияние качеств различных сфер чувствительности, при котором качества одной модальности переносятся на другую, называется в психологии синестезией. В русском языке нет иных обозначений для запахов, соответствующих вкусовым ощущениям, поэтому данные номинации трудно квалифицировать как собственно метафорические. Синестетический сдвиг здесь близок к метонимическому: ‘запах чего-л., напоминающий запах от продуктов с подобным вкусом’. Данные образные единицы не реализуют концептуальную метафору как модель сближения разнородных сущностей по аналогии, так как называют явления одной концептуальной области – запахи. Однако косвенно реализуется аналогия с продуктами подобного вкуса, которые являются эталонными носителями одновременно как вкусов, так и запахов: **Горьковатые** запахи позднего лета нахлынут на меня (В. Голованов); К **терпкому** запаху цветов добавляется аромат ритуальных свечей (В. Овчинников); Здесь росла черемуха, и **приторный** ее запах будоражил, обещал счастье (Т. Тронина); Но вокруг **сладостно** нахло дубовыми листьями, грудь наполняло глубокое дыхание (А. Ладинский).

В контекстах, отобранных из базы НКРЯ, было обнаружено 7 образных единиц, называющих горькие запахи: **горький**, **с горчинкой**, **горчить**, **горчащий**, **горько**, **горьковато**, **горьковатый**; 4 образные едини-

цы с семантикой кислого запаха: *кислый, кисленький, кислинка, кисловатый*; 2 образные единицы, называющих чрезмерно сладкие запахи: *приторный, приторно*; 5 образных единиц сладкого запаха: *сладкий, сладко, сладковатый, сладостно, сладостный*; по 3 образных единицы с семантикой терпкого и «вкусного» запаха: *терпкий, терпко, терпковатый, вкусный, вкусно, вкусенько*: Она просто вспомнила самый *вкусный* запах из детства, смешала ваниль, иланг-иланг и жасмин и, несмотря на то, что ничего не смыслила в парфюмерии, создала очень легкий и очень *вкусный* аромат. «Домовой»; и 2 образных единицы запаха свежести *свежий, свежо* – Изю рта у него *свежо* пахло зубной пастой (О. Некрасова).

Заключение

В результате проведенного исследования был выявлен набор актуальных для процесса метафоризации признаков продуктов питания, выделенных познающим субъектом на основании первичных сенсорных ощущений и телесного практического опыта и отрефлексированных сознанием говорящего коллектива в виде устойчивых стереотипных моделей отображения признаков пищи в языке; составлена классификация этих признаков по модусу восприятия, способу концептуализации сенсорных сигналов, наличию эксплицитированного в номинации оценочного компонента. Продемонстрирован целостный фрагмент метафорической картины мира, представленный признаковой

гастрометафорой русского языка, что оказалось возможным благодаря применению методов лингвистического моделирования образного лексико-фразеологического поля, включающего в состав комплекс мотивационно-образных парадигм, а также концептуального метафорического моделирования объектов из сфер-мишеней по аналогии с объектами из сферы-источника. Оказалось, что для каждой группы признаков характерен особый способ метафорической интеракции: 1) аналогия с телесным ощущением для эмпирических интрамодальных и полимодальных признаков (*кислый вкус – кислое настроение, терпкое вино – терпкое волнующее предчувствие*), 2) аналогия с продуктом, обладающим подобным качеством (*сдобная булка – сдобная фигура*) и (или) 3) питательный эффект насыщения (*жирное мясо – жирный барыш*) для рациональных полимодальных признаков; 4) положительная или отрицательная оценка качества продукта как аналогия для позитивных/негативных характеристик различных явлений (*лакомое блюдо – лакомая отрасль экономики, тухлая рыба – тухлый спектакль*) для аксиологических признаков; 5) смежность модусов восприятия (*сладкий вкус – сладкий запах*) для кроссмодальных признаков. Примеры текстовой репрезентации признаковой пищевой метафоры в художественном, научно-популярном, публицистическом, рекламном типах дискурса демонстрируют ее существенный прагматический потенциал, анализ которого составит перспективы дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Склярская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб. : Изд-во Филол. фак-та СПбГУ, 2004. 166 с.
2. Илюхина Н.А. Метафорический образ в семасиологической интерпретации. М. : Флинта, 2016. 321 с.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. Chicago : University of Chicago Press, 1980.
4. Баранов А.Н. Дескрипторная теория метафоры. М. : Языки славянской культуры, 2014. 632 с.
5. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Когнитивная теория метафоры: новые горизонты // Трибуна ученого. 2013. № 1. С. 6–13.
6. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 54 с.
7. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 654 с.
8. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
9. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 5–32.
10. Юрина Е.А., Балдова А.В. Пищевая метафора в процессах концептуализации, категоризации и вербализации представлений о мире // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 48. С. 98–115.
11. Новицкая И.В. Лингвистика XXI века на пути к интегральной теории метафоры // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 143–157.
12. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл : Логико-семантические проблемы. М. : Наука, 1976. 383 с.
13. Толстая С.М. Семантические категории языка культуры : Очерки по славянской этнолингвистике. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 368 с.
14. Кубрякова Е.С. Язык и знание : На пути получения знания о языке : Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
15. Словарь русской пищевой метафоры. Т. 3 : Субъект, объект и инструменты гастрономической деятельности / авт. А.В. Балдова, М.В. Герасимова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина ; под ред. Е.А. Юриной. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019.
16. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.09.2020).
17. Юрина Е.А. Вкусные метафоры : пищевая традиция в зеркале языковых образов. Кокшетау, 2013. 238 с.
18. Кубрякова Е.С. Части речи в ономазиологическом освещении. М. : Наука, 1978. 114 с.
19. Штрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1979. 133 с.
20. Степанян Т.Р. Синестетические метафоры русского языка: прилагательные чувственного восприятия : дис. ... канд. филол. наук. М., 1987. 192 с.
21. Рузин И.Г. Модусы перцепции /зрение, слух, осязание, обоняние, вкус/ и их выражение в языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 21 с.
22. Гридасов В.В. Перцептивная метафора как лексико-семантическая категория (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1999. 163 с.
23. Савченко А.И. Части речи и категории мышления. Ростов н/Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1959. 65 с.
24. Немченко В.Н. Грамматическая терминология : словарь-справочник. М. : ФЛИНТА : Наука, 2011. 592 с.
25. Ковалева А.В. Нейрофизиология, физиология высшей нервной деятельности и сенсорных систем : учеб. для СПО. М. : Юрайт, 2018. 365 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 августа 2021 г.

Attributive Gastronomic Metaphor in Russian: Aspects of Typology

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 62–71.

DOI: 10.17223/15617793/470/7

Elena A. Yurina, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yourina2007@yandex.ru

Anastasiia A. Poliakova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: 3008polyakova@gmail.com

Anastasiia V. Baldova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nastya-borovkova@mail.ru

Keywords: attributive metaphor; figurative lexis; phraseology; food metaphor; worldview.

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00194.

The article examines the metaphorized aspects of the attributive semantics associated with the peculiarities of conceptualizing various features of food. The authors typologize attributes that are the basis of metaphorical projections of the gastronomic sphere phenomena onto a wide range of concepts from various target areas (thinking, psyche, social life phenomena, various objects of the physical world). The analysis of trends and aspects of food features metaphorization in Russian is presented on the material of figurative lexical and phraseological units. Food attributes are classified based on various methods of sensory signal cognitive processing with respect to the perception modality (intramodal, polymodal, crossmodal), rational or sensory perception dominant (rational – empirical), direct or indirect way of nomination (intensional – extensional), and the presence of evaluative attitude to a certain quality of food (axiological). As a result, a set of food product attributes relevant for the metaphorization process is identified and the figurative means of the Russian language are classified with a detailed description of aspects and trends of the figurative interpretation of these attributes within each class. The article presents a coherent fragment of the metaphorical worldview expressed by Russian attributive food metaphors. The following cognitive bases for metaphorical affinity are determined: 1) the ability to distinguish various tastes; 2) strong/weak taste receptors excitation; 3) pleasure/displeasure from taste sensations; 4) the degree of original positive food qualities preservation; 5) associations with food appearance as an attribute reference pattern; 6) food nutritional value; 7) contiguity of taste and olfactory perception modalities. The fixed sensory images based on perceptive food properties are used for metaphorical characteristics of human appearance and character, psycho-emotional state, life situations and social activities, economic phenomena, speech and artistic works. Examples of attributive food metaphor's textual representation in artistic, popular science, journalistic and advertising discourses demonstrate its significant pragmatic potential.

REFERENCES

1. Sklyarevskaya, G.N. (2004) *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system]. St. Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University.
2. Ilyukhina, N.A. (2016) *Metaforicheskiy obraz v semasiologicheskoy interpretatsii* [Metaphorical image in the semasiological interpretation]. Moscow: Flinta.
3. Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.
4. Baranov, A.N. (2014) *Deskriptornaya teoriya metafory* [Descriptor theory of metaphor]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
5. Budaev, E.V. & Chudinov, A.P. (2013) Kognitivnaya teoriya metafory: novye gorizonty [Cognitive theory of metaphor: new horizons]. *Tribuna uchenogo*. 1. pp. 6–13.
6. Yakovleva, E.S. (1992) *Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatiya)* [Fragments of the Russian linguistic picture of the world (models of space, time and perception)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
7. Kovshova, M.L. (2009) *Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokul'turologicheskiy aspekt)* [Semantics and pragmatics of phraseological units (linguocultural aspect)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
8. Teliya, V.N. (1996) *Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
9. Arutyunova, N.D. (1990) *Metafora i diskurs* [Metaphor and discourse]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Teoriya metafory* [Metaphor theory]. Moscow: Progress. pp. 5–32.
10. Yurina, E.A. & Baldova, A.V. (2017) Food Metaphor in Conceptualization, Categorization and Verbalization of Representations About the World. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 48. pp. 98–115. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/48/7
11. Novitskaya, I.V. (2019) Linguistics of the 21st Century on the Path to the Integrated Theory of Metaphor. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 143–157. (In Russian). DOI: 10.17223/18137083/68/13
12. Arutyunova, N.D. (1976) *Predlozhenie i ego smysl: Logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: Logical-semantic problems]. Moscow: Nauka.
13. Tolstaya, S.M. (2011) *Semanticheskie kategorii yazyka kul'tury: Ocherki po slavyanskoy etnolingvistike* [Semantic categories of the language of culture: Essays on Slavic ethnolinguistics]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
14. Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniya o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards a Knowledge of Language: Parts of Speech from a Cognitive Perspective. The Role of Language in the Knowledge of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
15. Yurina, E.A. (ed.) (2019) *Slovar' russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian food metaphor]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.
16. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. [Online] Available from: <http://www.ruscorpora.ru> (Accessed: 25.09.2020).
17. Yurina, E.A. (2013) *Vkusnye metafory: pishchevaya traditsiya v zerkale yazykovykh obrazov* [Delicious metaphors: food tradition in the mirror of linguistic images]. Kokshetau: Keleshek-2030.
18. Kubryakova, E.S. (1978) *Chasti rechi v onomasiologicheskoy osveshchenii* [Parts of speech in onomasiological coverage]. Moscow: Nauka.
19. Shramm, A.N. (1979) *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatel'nykh* [Essays on the semantics of qualitative adjectives]. Leningrad: Leningrad State University.
20. Stepanyan, T.R. (1987) *Sinesteticheskie metafory russkogo yazyka: prilagatel'nye chuvstvennogo vospriyatiya* [Synesthetic metaphors of the Russian language: adjectives of sense perception]. Philology Cand. Diss. Moscow.
21. Ruzin, I.G. (1995) *Modusy pertspektiv /zrenie, slukh, osyazhanie, obonyanie, vkus/ i ikh vyrazhenie v yazyke* [Modes of perception /sight, hearing, touch, smell, taste/ and their expression in language]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.
22. Gridasov, V.V. (1999) *Pertspektivnaya metafora kak leksiko-semanticheskaya kategoriya (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Perceptual metaphor as a lexical-semantic category (based on the material of the modern German language)]. Philology Cand. Diss. Barnaul.
23. Savchenko, A.I. (1959) *Chasti rechi i kategorii myshleniya* [Parts of speech and categories of thinking]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
24. Nemchenko, V.N. (2011) *Grammaticheskaya terminologiya: slovar'-spravochnik* [Grammatical terminology: reference dictionary]. Moscow: FLINTA: Nauka.
25. Kovaleva, A.V. (2018) *Neyrofiziologiya, fiziologiya vysshey nervnoy deyatel'nosti i sensorykh sistem* [Neurophysiology, physiology of higher nervous activity and sensory systems]. Moscow: Yurayt.

Received: 10 August 2021